

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ БИБЛЕИЗМОВ В ТВОРЧЕСТВЕ ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО

С. Э. Сомов

*Белорусский государственный университет, ул. К. Маркса, 31, 220030,
г. Минск, Беларусь, somov72@mail.ru*

В статье анализируется функциональная роль библейских выражений и отдельных слов в художественном творчестве белорусского просветителя Георгия Конисского (1717–1795), православного архиепископа г. Могилева. В связи с религиозным содержанием творчества автора, ориентированного на Священное Писание Ветхого и Нового Заветов, библейский текст рассматривается как основа образного и символического контекста литературного наследия Конисского, представленного произведениями различных жанров: трагедокомедии, поэтических переложений псалмов, поэтических надписей, слов и речей. Помимо содержательного аспекта, дается обоснование сугубо эстетических функций библеизмов в творчестве Конисского, позволяющих автору создавать тексты оригинальной композиции и ритмики.

Ключевые слова: библеизмы; эстетическая функция; Георгий Конисский; образно-символический; иллюстративный; ритмообразующий.

AESTHETIC FUNCTIONS OF BIBLICAL SYMBOLS IN THE WORKS OF GEORGY KONISSKY

S. E. Somov

*Belarusian State University, K. Marx St., 31, 220030,
Minsk, Belarus, somov72@mail.ru*

The article analyzes the functional role of biblical expressions and individual words in the artistic work of the Belarusian educator Georgy Konissky (1717–1795), Orthodox Archbishop of Mogilev. In connection with the religious content of the author's work, focused on the Holy Scriptures of the Old and New Testaments, the biblical text is considered as the basis of the figurative and symbolic context of Konissky's literary heritage, represented by works of various genres: tragicomedy, poetic paraphrases of psalms, poetic inscriptions, words and speeches. In addition to the substantive aspect, a justification is given for the purely aesthetic functions of biblical expressions in Konissky's work, allowing the author to create texts of original composition and rhythm.

Keywords: biblical expressions; aesthetic function; Georgy Konissky; figurative-symbolic; illustrative; rhythm-forming.

Белорусский просветитель Георгий Конисский (в миру Григорий Осипович Конисский) всю свою жизнь с молодых лет отдал на служение Православной церкви. Приняв монашеский постриг в Киево-Печерской

лавре в 1744 г., он прошел все ступени духовного служения от должности лаврского инок-проповедника в Киеве до архиепископа Белорусского в Могилеве. И это служение подвижник совершал с крайней степенью самоотверженности и усердия, снискав тем самым уважение у современников, а у потомков — авторитет святости (как местночтимый святой он был прославлен Белорусской Православной Церковью в Могилеве в 1993 г., а как общепочитаемый святой Русской Православной Церкви — в Москве в 2017 г.).

Как писатель Конисский проявил себя в различных литературных жанрах всех трех родов словесного искусства (трагедокомедия, интерлюдии, элегии, псалмы, слова и речи), но в какой бы художественной форме он не работал, святитель всегда оставался святителем, а именно, — духовным проповедником Слова Божьего. Практически все его произведения, за исключением нескольких поэтических миниатюр, имеют религиозное содержание и направлены на раскрытие перед читателями, слушателями или зрителями христианских истин. Корпус религиозных текстов древности и времен Георгия, безусловно, был огромен. Однако все: и пишущие, и читающие христиане уверены в непогрешимой святости главного текста — Священного Писания Ветхого и Нового Заветов, по отношению к которому все иные религиозные произведения носят в определенной мере «вторичный» характер, поскольку направлены на разгадку тайн основного Текста.

Будучи христоцентричным, наследие Конисского неразрывно связано с Библией и опирается на библейский текст как на уровне содержания, так и на уровне художественного оформления. Знакомство с произведениями Георгия, особенно зрелого и позднего периодов его творчества, открывает нам глубокого знатока библейского текста. Конисский активно цитирует Библию, использует знакомые читателям образы-символы, стилизует ряд своих стихотворений под поэтический ритм библейских стихов (в особенности это касается поэтических переложений псалмов). Причем, с течением времени «удельный вес» библейских заимствований и в связи с обстоятельствами жизни и эволюцией пастырских задач, и в связи с жанровыми предпочтениями, и, безусловно, личными духовными исканиями в творчестве Георгия нарастает.

В ранних драматургических произведениях Конисского библеизмы представлены достаточно мало, поскольку его трагедокомедия «Воскресение мертвых» и пять интерлюдий решены в традициях школьной драмы, ориентированной на восприятие широкими слоями населения, прежде всего, необразованного. В этих произведениях присутствует народный дух, выражающийся в использовании разговорного стиля, площадного юмора и даже грубых фраз с элементами просторечий. Поэтому ни высо-

кая библейская лексика, ни символика, ни библейские реминисценции или, тем более, пространные цитаты на церковно-славянском языке (ко времени Георгия полного перевода Библии на русский язык просто не существовало, он будет осуществлен специальной синодальной комиссией Русской церкви только через столетие) представляются здесь стилистически неуместными.

Тем не менее, трагедокомедия «Воскресение мертвых» посвящена важной для верующих людей теме загробного существования человеческой души и имеет в своей основе библейскую притчу о богатом злодее и нищем Лазаре, которые по смерти попадают, соответственно, в ад и в рай, между которыми утверждается непреодолимая бездна. Помимо этого, школьная драма направлена на раскрытие в упрощенных формах христианских эсхатологических идей и описывает частный суд Божий над человеческими душами, предваряющий собой ожидаемый в неопределенном будущем Страшный суд над всеми людьми, в том числе умершими, которые должны непостижимым образом воскреснуть для этого телесно.

Даже первое действие трагедокомедии, несмотря на отсутствие прямых библейских заимствований, отталкивается от притчи Иисуса Христа о погибающем прорастающем зерне. Так простой неученый крестьянин, осматривая свои нивы, задумывается сначала о зернах в земле, сгнивших и проросших, а затем и о человеческих душах, призванных умереть, чтобы снова воскреснуть:

Не умерло знать в земле зерна внемало:
Бо умерло все, да всежь и пооживало.
Теперь мне на память прийшла думка тая,
Что священник говорил в церкви, поучая,
Будто и тело наше, хочай гноем станет
По смерти, но як зерно на страшный суд встанет.
Веру тому: бо вижу сам, как в земле тлеют

Семена, а в колосе растут и целеют (здесь и далее цитаты в орфографии и пунктуации оригиналов. — С. С.) [2, с. 40].

Поэтому образ зерна, погибшего и проросшего, здесь отсылает нас к библейскому притчевому контексту, и звеном этой отсылки, по сути перехода от прямого значения слова к духовно-символическому, является упоминание проповеди священника в храме, который учит пониманию евангельского текста, в том числе и притч Христа, активно включаемых в ежедневные литургические чтения. Подкрепляются духовно-философские мысли простолюдина решительным выводом о всемогуществе Господа:

Однак кто дает зерну стебло, колос, ости,
Той и порох обернет в тело, в жили, в кости.
Велика твоя сила, создателю Боже! [2, с. 40].

В отличие от речи персонажей трагедокомедии, среди которых нет настоящих богословов, выражающихся академически, Конисский использует более высокую лексику в кантах, разделяющих действия пьесы и углубляющих символическое содержание произведения. Так уже в первом канте возникает библейский образ Христа, воскрешающего смердящего четверодневного Лазаря, оживление которого является прологом к воскресению самого Спасителя, а одновременно и обетованием воскресения других людей:

Ожил иногда (некогда. — С. С.) мертвец, чтири дня смердящий;
Скоро испустил Христос глас животворящий
В той же самый тон:
Изийдете вон.
Затрубит громкою
Архангел трубою,
Всех нас зовущи на суд [2, с. 41–42].

Конисский включает сюда и библейский образ «архангеловой трубы» из Апокалипсиса Иоанна Богослова, в котором в эпических красках изображается Второе пришествие Христа и воскресение мертвых на Страшный суд, вызываемых из праха звуком этой вселенской трубы. Зрителям становится понятно, что речь пойдет о серьезных вещах. И действительно, Конисский описывает судьбу злодея Диоктита и страдальца Гипомена в библейском ключе. Диоктит как типичный негодяй, развращенный богатством, грабит Гипомена, наживает себе все больше имущества, ищет удовольствий от жизни, проводя время в пьянстве, которое вскоре и сводит его в могилу. Гипомен, напротив, человек порядочный, духовно оценивающий и приобретения, и утраты, полагающийся всецело на милость Божию, верующий без сомнений в загробную награду страдающим неповинно в этой жизни.

Умирая от нанесенных ему побоев, Гипомен непосредственно вызывает ко Христу как главному ходатаю за невинно обиженных, который как никто другой понимает боль и трагизм земных страданий, поскольку сам безвинно пострадал до смерти:

Но ты, Христе, ходатай для твоих страданий:
Во всем цело оправдан быти уповаю,
Себе ж и своей заслуге ничто не вменяю [2, с. 48].

Конисский, вкладывая в уста умирающего Гипомена рассказ о его муках и болях, выстраивает скрытую, но узнаваемую параллель со страданиями самого Спасителя. Такие слова, как «кровь» («наситился, как хотел, зверь тот моей крови»), «плоть» («в круг по телу плетмы избитый»), «трость» («до мозга глава тростью мне пробита») приобретают оттенок библейской символики жестоких и невинных страданий, поскольку речь идет о преддверии смерти и ожидании входа в «Небесное царствие». Например, в Евангелии от Матфея описывается трость, которой били Христа перед распятием: «И сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь пред Ним на колени, насмехались над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский! И плевали на Него и, взявши трость, били его по голове» (Мф. 27:29–30) [1, с. 1259]. Конисский намеренно не использует здесь ни слово «палка», ни «дубинка», ни «камень», поскольку библейский контекст чрезвычайно важен для понимания духовно-религиозного смысла произведения.

Речь идет о путях достижения человеком главной, с точки зрения христианина, цели его земного существования: спасения души в Боге, вхождения в Царство небесное. Именно туда стремится и в конечном итоге попадает страдалец Гипомен, в финале произведения изображаемый во славе и свете, которые так поражают своим сиянием проклятого Диоктита, оказавшегося в адских мучениях. Еще находясь в преддверии перехода от временной жизни к вечной, в молитвенном порыве ко Христу Гипомен выражает свою надежду на Царствие небесное, опять-таки, в библейском ключе:

Аось, може, по смерти вместо сих стенаний
Пойду даже в дом божий, в гласе радований [2, с. 48].

Библеизм «глас радования» восходит к ветхозаветной книге «Псалтирь», в которой древний автор, чаще всего царь Давид, которому принадлежат большинство древних песен, предвосхищает сокрушительное и величественное явление Господа на земле как царя и судии над всеми народами: «Вси языцы воспещите руками, воскликните Богу гласом радования». И в этом же хвалебном 46-м псалме «О сынех кореевых» в Библии присутствует указанный выше образ-символ «трубного гласа», призывающего всех на Суд: «Взыде Бог в воскликновении, Господь во гласе трубне. Пойте Богу нашему, пойте, пойте, Цареву нашему, пойте» [4, с. 372]. Развивающийся таким образом мотив Суда и воздаяния праведникам (равно, как и грешникам) является в произведении все более понятным зрителям, даже если они не являются богословски образованными людьми, поскольку в XVIII веке те, кто умел читать, в большин-

стве своем учились по Псалтири, нередко зная ее наизусть; но даже и те православные, кто были неграмотными, прослушивали всю Псалтирь неоднократно, присутствуя на вечерних и иных богослужениях, где она постоянно включается в молитвословия не только в виде целых кафизм или отдельных псалмов, но и в виде наиболее ярких гимнографических, а потому запоминающихся фрагментов, в частности, в форме многочисленных «Прокимнов», предваряющих чтение Священного Писания.

Помимо изобразительной и образно-символической функции, которые мы наблюдаем в драматургии Конисского, библеизмы используются им более широко в лирике, где присутствует уже сугубо художественная функция. Наиболее ярко это выражено в поэтических переложениях псалмов, где, в соответствии с жанром (поскольку речь идет о собственно библейском тексте), библейские слова и выражения являются стилеобразующими элементами текста.

Так, в переложении 14 псалма таковым элементом выступают библеизмы «двор Божий» и «гора Господня». В художественно-стилистическом отношении они используются Георгием для создания определенного поэтического ритма. Выражение «Господи! кто обитает в Твоем дворе, / И кто в святой Твоей вселится горе?» является рефреном и единоначалием пяти основных строф поэтического переложения псалма, позволяющим организовать и в музыкальном, и в смысловом отношении пять ответов на данный вопрос, начинающихся также единообразно с усиленных повтором указательных местоимений: «Той, той, кто...» [7, с. 256–257]. Организованный таким образом ритмический рисунок стихотворения позволяет акцентировать внимание читателя на принципиально важных ответах на вопрос о путях спасения человеческой души.

Создавая подобный ритмический рисунок стиха, Конисский представляется весьма смелым экспериментатором, он творчески осваивает библейский материал. Например, у признанного авторитета в опыте поэтического перевода псалмов М. В. Ломоносова мы видим выраженное следование за псалмопевцем Давидом. Ломоносов также использует понятие «двора» («дома») и «горы», но единожды, в первой строфе произведения, за которой следуют пять четверостиший-ответов, которые соответствуют библейским стихам оригинала:

Господи, кто обитает
В светлом доме выше звезд?
Кто с Тобою населяет
Верх священный горних мест? [3, с. 186].

Ломоносов поступает как художник слова, передающий в образных выражениях содержание оригинала. Отсюда — определенные образные трансформации: «светлый дом выше звезд» вместо библейского «жилище Твое», «священный верх горних мест» вместо «святую гору Твою». При этом следует учесть, что из всех переложений псалмов у Ломоносова 14 псалом ближе всего к оригиналу в текстовом отношении.

Следует признать, что Конисский действует более как мыслитель, нежели как поэт-переводчик. Он изменяет поэтическую структуру библейского текста в стремлении как можно более внятно донести духовный смысл Откровения. Поэтому его дефиниции библейских образов-символов ближе библейским, чем у Ломоносова, и даже тождественны им: «двор» вместо «жилища» и в точности, как в Библии, — «святая гора».

В символическом отношении данные дефиниции представляются весьма важными, поскольку имеют многоуровневый характер. Использование Георгием слова «двор» показывает его глубокое знание библейского текста, поскольку этот перевод представляется более удачным, чем распространенное в церковно-славянских вариантах слово «жилище», указывающее только лишь на вполне определенную пространственную характеристику огороженного жилого места. Исследователи библейских текстов (к примеру, Л. Райкен, Д. Уилхойт, Т. Лонгман [6]) в данном случае не склонны ограничивать перевод еврейского слова *haser* только лишь словом «жилище», поскольку слово «двор» представляется более содержательным, глубоко связанным с библейским контекстом. Это не только жилое помещение, огороженное для защиты от врагов-людей и хищных животных извне, но, шире, — это еще и определенная социальная структура, сообщество, свита, когда речь идет о царе и его престоле (члены семьи, приближенные царедворцы, слуги, гости). Даже в земном понимании этого слова речь идет о некоем великолепии, величестве, возвышающемся престоле, на котором восседает царь, что помогает представить себе величие Царя небесного в его «горних», то есть небесных, чертогах.

Разумеется, у царя Давида в псалме и в стихотворениях переводчиков речь идет именно о небесном чертоге Царя-Бога, правителя всего мироздания. Небесный двор изображается в Библии и как некий непостижимо возвышенный и прекрасный тронный зал, и как небесный храм, в котором перед престолом Всевышнего ему служат и его славят сонмы ангелов и святых, к которым в вечности хочет присоединиться каждый верующий человек [См.: Ис. 6:1; 2 Пар. 18:18; Откр. 4:1–4; Евр. 8:1; Пс. 47:2–3; Иер. 8:19 и мн. др.]. Небесный двор-храм есть место духовного

торжества, нелицемерного праздничного поклонения Царю и благоговения перед ним.

Этот мотив экстраполируется на восприятие Иисуса Христа, на поклонение ему и на благоговение перед ним, поскольку христиане вслед за апостолом Павлом воспринимают Спасителя и как Царя (не земного, ожидаемого иудеями, а потому «обманувшимися» о Христе, а небесного), и как первосвященника, «священнодействователя святилища» на небесах (Евр. 8:1–2). Это святилище призвано стать местом обитания народа божьего, включающего всех людей, в духе служащих Богу, то есть нравственно чистых, не творящих зла. Именно о них идет речь в ответах на главный вопрос: кто достоин спасения, кто может стать перед престолом Всевышнего в небесном чертоге?

Не менее содержателен и образно-символический смысл понятия «Божья гора», поскольку он связан не только с высоким, «горным» положением Бога в мироздании, то есть, Царством Небесным, но и с земными возвышенностями, на которых происходили принципиально важные для спасения человечества события, контакты между Богом и человеком, между физическим и трансцендентным измерениями: получение Закона, принесение в жертву Исаака, Распятие, Вознесение, Преображение и др. Из множества библейских гор самыми важными представляются две: Синайская и Сионская. На первой — Хориве — люди получили десять заповедей Закона, на второй — построили Иерусалим, в котором прославился Иисус Христос. Эти великие горы есть места святости, плодородности, изобилия земного существования (ср. Эдем на горе), а помимо этого еще и грозного величия Бога и, соответственно, искреннего поклонения ему, а также места радушного приема в дом Всевышнего всех чинов земных праведников.

В указанном выше переложении 14 псалма Божья гора есть место на небесах, предел вожделенного стремления всех спасающихся. Но в другом поэтическом произведении Конисского, в «Надписи к Иконе, изображающей Закон и Евангелие» (образ благословляющего Христа Вседержителя с книгой в левой руке) символика горы еще богаче, поскольку определяет не только цель, но и путь к этой цели, начиная с древнейших ветхозаветных времен. Ярчайшим выражением библейского мотива Божьей горы здесь выступают две уже упомянутые нами возвышенности: Синай и Сион. И та, и другая связаны с явлением и пребыванием Бога, соответственно, они таинственны, покрыты облаками и дымкой (см. Исх. 19–20), но они отличаются друг от друга, поскольку последняя есть место успокоения и благоденствия божьего народа. На Синае народ получил Закон, когда осуществлял главное движение в своей истории: от египетского рабства — в Землю обетованную, к свободе и процветанию. В

контексте Нового Завета это движение становится путем от Закона — к Благодати, от сумерек — к свету, от гибели — к спасению:

От Синайския горы бегу до Сиона,
От суровой Госпожи, до матерня лона.
Там Бог гремит, и молнией стреляет;
Здесь Он с любовью меня обнимает.
Сам страждет, хотя должно было бы мне страждать:
Как же не буду, грешный, к Нему прибегать? [7, с. 263].

Движение в пространстве становится символом движения в духе: от сурового Закона — к благодатной жертвенной любви, соответственно, от справедливости — к милости, которая выше формальных правил и определений.

Наиболее полно, на наш взгляд, эстетические функции библеизмов реализуются в художественном творчестве Георгия Конисского в жанре слова, поскольку проповеди по сути своей являются частными попытками раскрытия смыслов Священного Писания. Библия здесь выступает и предметом повествования, и способом раскрытия данного предмета. В узком смысле слова предмет — это Евангельское слово, новозаветная проповедь Спасителя, которая раскрывается в пророческом и «прообразовательном» (от слова «прообраз» — нечто, предвосхищающее великие и спасительные события будущего) контексте Ветхого завета, а также в толковательных новозаветных откровениях: посланиях святых апостолов и в Откровении Иоанна Богослова.

Библеизмы в словах Конисского выполняют как содержательную, образно-символическую, так и художественно-эстетическую функции. Например, в анализируемом нами выше «Слове на Рождество Христово» символ дождя, сходящего на руно и «капли, капающей на землю», выступает основным для раскрытия тайны непостижимого и незаметного для большинства человечества явления в мир Спасителя, предсказанного неоднократно ветхозаветными пророками именно таковым, тихим, сокрытым от большинства живущих.

Важной для проповеднического творчества Георгия является также иллюстрирующая функция библеизмов, заключающая в том, что посредством библейских цитат, образов и выражений, имеющих аксиоматический для проповедника и для слушателей смысл, Георгий иллюстрирует и доказывает свои умозаключения и выводы в отношении, прежде всего, новозаветных событий, изречений и истин. Например, к «Слову на Пасху» 1785 года в качестве эпиграфа Георгий избирает фразу из послания апостола Павла к римлянам: «Кто поемлет на избранныя Божия? Бог оправдая. Кто осуждая? Христос Иисус умерый, паче же и воскре-

сый», повествующую об особом духовном положении верующих в Христа грешников, которые праведниками в большинстве своем не становятся, даже искренне желая того, но по милости Божией, по его дару, становясь уже его паствой, надеются на защиту от клеветников и пожирателей, первым из которых выступает враг всего рода человеческого, то есть дьявол, пожирающий души людей [5, с. 150].

Для иллюстрации и подтверждения своей мысли об особой духовной защищенности от зла верных, пусть и грешных, но верных христиан Конисский использует цитаты из Ветхого и Нового Заветов, а именно, из Книги Второзаконие и послания апостола Павла к галлатам: «Из числа избранных Божиих выступит на чело Павел Апостол и, помахав рукою, не уже связан веригами железными двема, как прежде во убийственном Иерусалиме, но свободь и пляшущь. Вы, говорите, о навадницы! Имеете ли что клеветать на избранных Божиих? А вот Сам Судия Бог оправдает их: дерзнете ли осуждать их? А вот тут же сидит Сын Божий, Иисус Христос, умерший, паче же и воскресший. Ты, закон, праведно говоришь: проклят всяк, иже не пребудет во всех писанных в книзе законней, яко творити я, (Втор. 27:26), но Христос искупил нас от клятвы законныя, быв по нас клятва (Гал. 3:13) [5, с. 150–151].

В целом, говоря об использовании библейских слов и выражений в художественном творчестве Георгия Конисского, следует заключить, что библейский контекст имеет определяющее значение для большинства его произведений ввиду их религиозного и христианского содержания. Понятия и образы библейского происхождения несут на себе основную духовную и идейно-философскую нагрузку, поскольку касаются важнейших вопросов оправдания нравственного несовершенства и спасения человеческой души в Боге. Библизмы выполняют как образно-символическую, так и иллюстрирующую, и стилиобразующую функции, позволяя автору создавать произведения в контексте собственно библейской традиции (переложения псалмов), а также выходящие за ее пределы в область современного просветительского творчества (школьная драма, лирика, ораторская проза).

Библиографические ссылки

1. *Библия* или книги Священнаго Писания Ветхаго и Новаго завета. М. : Крон-Пресс, 1991.
2. *Воскресение мертвых обще убо всем будущее, но страждущим невинно в веще сем блаженно, а бдящим гибельно, в пяти действиях в пользу чающим оного показанное в Киевской Академии 1747 году трудами иеромонаха Георгия Конеского* // *Летописи русской литературы и древности*, издаваемые Николаем Тихонравовым: В 5-ти тт. СПб. : Типография Грачева и комп., 1861. Т. III. Кн. 6. С. 39–58.

3. *Ломоносов М. В.* Избранные произведения. Л. : Советский писатель, 1986.
4. *Молитвослов* и Псалтирь. М. : Издание Сретенского монастыря, 2004.
5. *Слова* и речи Георгия Конисского, Архиепископа Могилевского. Могилев-на-Днепре : Скоропечатня и литогр. Я. Н. Подземского, 1892.
6. *Словарь* библейских образов: [Справочник] / Под общ. ред. Лиланда Райкена, Джеймса Уилхойта, Тремпера Лонгмана III; ред.-консультанты: Колин Дюриес, Дуглас Пенни, Дэниел Рейд; [пер.: Скороходов Б. А., Рыбакова О. А.]. Санкт-Петербург : Библия для всех, 2005.
7. *Собрание* сочинений Георгия Конисского, Архиепископа Белорусского: В 2 ч. / Изд. прот. И. Григорович. СПб : Тип. Императорской Российской Академии, 1835. Ч. 2.